

...И зазвучит струна другая

О ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА КАПШУКА

Наверное, его можно отнести к категории удачливых людей. Все, что задумывал, — получалось. Даже тогда, когда намеренно шел на крутые перемены в жизни, когда обстоятельство, на первый взгляд, складывались не в его пользу. Прочувшись несколько лет в Харьковском художественно-промышленном институте, вдруг подал заявление с просьбой об отчислении. Подал, что дизайн — это не его. Поехал в Ленинград, без всяких рекомендаций, связей. На вступительных экзаменах в Академию художеств провалился. Но даже в том состоянии несбывшегося не было и капли сомнения, что поступил опрометчиво. Устроился дворником в Академию и ходил вольнослушателем на лекции. Много читал, рисовал, пропадал в музеях. На этот раз вступительные экзамены сдал блестяще.

В любом деле играет важную роль учитель. И все-таки в творчестве он стоит на особом месте. Учитель дает школу мастерства, раскрывает законы и тайну своего искусства, чтобы ученик, если он талантлив, шел дальше уже своим путем. В Академии художеств невероятным счастьем считалось попасть в мастерскую к Андрею Мыльникову. Художнику — мастеру, художнику — легенде. Александр Капшук попал. Притом совершенно непредсказуемо: влюбился, «завалил» сессию, собирались отчислить. Но когда Мыльников, как административное лицо, посмотрел работы претендента на отчисление, то, буквально на следующий день предложил Саше заниматься в своей мастерской.

Он ставил перед Капшук

и живописные задачи, без всяких скидок на ученичество, формировал видение натуры, образное мышление. И заставлял нещадно трудиться. Не преувеличивая, год учебы у него шел за два. Кроме всего ценного другого, это придавало Саше, как, впрочем, и остальным мыльниковским питомцам, уверенность в себе. А хорошая уверенность в своих силах: для начинающего значит немало: словно крылья вырастают.

Первая крупная работа Капшука, уже дипломированного художника, сразу принесла ему удачу. Картина называлась «Первые». Красивое по цветовой гамме полотно, на котором в романтическом духе изображены красивые парни и девушки, приехавшие осваивать новые земли. Они энергичны, полны веры в будущее.

А Капшук не любит говорить об этой работе.

— Она воплощает все то, против чего я сейчас и как художник, и как человек восстаю. Против поверхностности мысли, чувств, внешнего артистизма.

Согласитесь, далеко не каждый может так честно и беспощадно сказать о своем детстве и о самом себе, пусть и спустя годы. И тут нет никакой рисовки. Это пройденный путь к главному в себе. Ему всегда легко давалось красивое, даже изысканное, то, что подкупает, вызывает восторг. Это был заманчивый путь. Пойди по нему, Капшук, без сомнения, тоже имел бы успех. Но такой успех его уже не устраивал. Он понял для себя, что степень мастерства формы ни в коей мере не должна превышать ту задачу, которую ставит перед собой художник. И чем больше восторгался у его полотен

«Ах, как это сделано!» — тем больше усилий направлял он на то, чтобы разрушить это любовное «внешностью» картины. Он сознательно подавлял то, за что его хвалили. И для себя — начинал с «нуля».

Так он подошел к своим «старикам» — групповому портрету секретарей комсомольских ячеек 1919 года. Здесь почти аскетичная простота формы. Но хочется пристальнее взглянуть в лица. Эта притягательность внутреннего мира трех молодых людей — пожалуй, главное достоинство работы. Мы угадываем индивидуальность каждого из них и в то же время их связывает прочное духовное родство. Картина экспонировалась на Всесоюзной выставке в Москве. О ней писали, ее репродукции были в центральной печати. Встреча с героями этого портрета оказалась этапной не только для Капшука-художника. Общась с ними во время работы, Александр открыл для себя редкую для возраста этих людей их жизненную заразительность, ее истоки. Ведь вроде бы все позади. Но как жили они в годы молодости на полную мощь, с высоким напряжением, так и сумели сохранить в себе этот накал. Вот чем жив и ценен человек.

Казалось бы, успех группового портрета должен был вдохновить, подстегнуть на новую работу. А наступила пауза. Капшук вообще в своем творчестве импульсивен. Между его картинами, как правило, — годы. И потому их совсем немного. Первое впечатление, что это роскошь, позволительная для молодости. Впереди еще, мол, много времени. Однако, как признался мне Александр, периоды бездействия очень мучительны для него. Тем не менее, пока что-то не «щелкнуло» внутри, не появился тот самый гуд, о котором писал Маяковский, состояние — нерабочее абсолютно.

Настоящая картина — это всегда тот познания. Мира. Людей. Себя. Связи явлений. У Капшука этот процесс начинается не тогда, когда он берется за кисть. Гораздо раньше, Александр долго вынашивает картину. Есть художники, пишущие методом проб, подбора. Они ювелирно выписывают каждую деталь, собирая картину как мозаику. Капшук, становясь к мольберту, уже твердо знает, что должно быть, и рвется к этому «что» нетерпеливо и жадно. Поэтому большинство его работ написано резкими, решительными мазками. В них мало деталей. Ему просто не до них.

А толчком к теме могут стать самые разные, порой отдаленные ассоциации. И на основе их рождается образ. Это как тронь одну струну и зазвучит вторая, третья... Откуда-то из послевоенного деревенского детства остались в памяти выстиранная выцветшая гимнастерка с зашитым одним рукавом, трепещущая на веревке, сиротливый силуэт разрушенной бомбежкой шко-

лы, запах паровозной гари от пронесшихся мимо их полустанка поездов. И лица женщин, ждавших и недождавшихся. Их долготерпение. И вот она картина — «Женщины 45-го». Здесь нет войны и она во всем. Прошло первое состояние пьянящей радости от Победы, когда был праздник. Наступившие будни мира остро обнажили, что же она наделала, эта война. Не только разруха, но изломанные судьбы, одиночество вдов, матерей, которое стало особенно горьким, когда войне пришел конец. Вроде жанровая сцена — стирка белья на небольшом пятачке у колодца. Но скорбное лицо старухи, склонившейся над корытом, раньше времени повзрослевшая голенастая девчонка — подросток, силуэт женщины, смотрящей в тоске на пронесшийся поезд вдаль, — все это передает пронзительность пережитого, его неправдивость. И тут же как мелодия пробивается другая тема. В центре полотна — будущая мать. И хотя на ней огромные кирзовые сапоги, старая, из грубого полотна юбка, прекрасно ее юное лицо, полное женственной прелести, озаренное ожиданием. Она держит в подоле антоновские яблоки. Их яркая зелень — как капли надежды: погодите, милые, будет легче, будет радостнее...

Необычен общий тон картины. При всем ее драматизме, он золотой. В этом своеобразие Капшука-колориста. Часто в его работах цвет внешне вроде противоречит чувству, которое ведет художника. Принято ведь как: если счастье — то и цвета лучистые, если боль, грусть — значит и колорит напряженный. А у Капшука — наоборот. Но именно это придает его произведениям большую емкость, многозвучие, глубину.

«Женщины 45-го» были написаны к 40-летию Победы. Когда полотно экспонировалось на республиканской выставке в Киеве, Александр с радостью отметил для себя, что помимо чисто официального признания картина нашла своего зрителя — людей послевоенного поколения. К ним в первую очередь обращался художник своей памятью.

На всевозможных обсуждениях творчества Капшука можно нередко услышать: «острое чутье на социальный спрос». Здесь видят основу его успеха. Не возникает ли вопрос: а нет ли в этом чего-то от конъюнктурности? Рассудочно высчитанная актуальность темы плюс профессиональное мастерство («мыльниковская» школа!) и удача — в руках. Все это, конечно, возможно в искусстве. И бывает. Невозможно лишь одно — неискренностью тронуть сердце. Тут уж нельзя ошибиться. А картины Капшука трогают, волнуют. И я думаю, «острое чутье» художника заключено в том, что сама душа его удивительно отзывчива на все, чем живем мы с вами.

И. РУМЯНЦЕВА.

Фото В. БОРИСОВА.